

Октября 24 (6 ноября)

Священномученик
Лаврентий (Князев),
епископ Балахнинский и
священномученик
Алексий Порфирьев

Епископ Лаврентий (в миру Евгений Иванович Князев) родился в 1877 году в городе Кашире. Происходил из духовного звания. Был единственным сыном у матери-вдовы. Начальное образование получил в Веневском духовном училище, среднее – в Тульской семинарии. В 1902 году окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. 28 января 1902 года пострижен в монашество на Валааме архиепископом Сергием (Страгородским), а 5 февраля рукоположен в иеромонаха.

28 февраля 1912 года назначен ректором Литовской духовной семинарии и настоятелем Виленского Свято-Троицкого монастыря, в то время, когда там был архиепископ Тихон, будущий патриарх.

В 1917 году митрополит Тихон представил его к хиротонии, и в феврале 1917 года архимандрит Лаврентий был хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии.

Епископ Лаврентий был усердным делателем молитвы Иисусовой, учеником и духовным другом оптинских старцев.

Однажды оптинский старец Анатолий Зерцалов на вопросы одной женщины, правильно ли воспитывает ее владыка и что ему передать, ответил, что совершенно правильно, и трижды земно ему поклонился. Это было незадолго до мученической кончины епископа.

В Нижнем Новгороде епископ Лаврентий благословил создание Спасо-Преображенского братства по возрождению церковно-общественной жизни, организованного А. Булгаковым. Тогда же было организовано религиозно-философское общество, просуществовавшее до января 1918 года.

Собрания проходили по средам в доме А. Булгакова. Епископ Лаврентий был непременно их участником.

В Нижнем Новгороде епископ жил и служил в Печерском монастыре. Служил часто, любил читать акафисты перед афонским образом Скоропослушницы. За каждой службой говорил проповеди и после литургии благословлял весь народ.

Три последние свои проповеди заканчивал одними и теми же словами: «Возлюбленные братья и сестры, мы переживаем совсем особое время – всем нам предстоит исповедничество, а некоторым и мученичество». В доме Булгаковых говорил, что ему предсказана мученическая кончина. Рассказывали, что во время пребывания в Вильно, он отдал в женский монастырь свой клубук, чтобы его привели в порядок. Монахиня, занимавшаяся этим, все вычистила, выгладила наметку, надела ее на камилавку и подошла к зеркалу взглянуть, правильно ли она сидит. Подняла клубук над головой, чтобы надеть на себя, и вдруг упала без чувств. Она увидела над клубуком огненный венец. Пробыл владыка в Нижнем Новгороде один год и семь месяцев и все это время один

управлял епархией; правящий архиерей, архиепископ Иоаким Левицкий, летом 1917 года уехал в Москву для присутствия на Поместном соборе и не вернулся. Из Москвы поехал в Крым, где у него была дача, и там был повешен бандитами.

3 апреля 1918 года епископ Лаврентий писал патриарху Тихону: «...дела, дела, просители, посетители задавили, и главное, что со дня хиротонии всё один и один... А тут еще приходится себе повторять пословицу: от сумы да от тюрьмы не отрекайся... Но что делать? Надо уж видно нести такой крест, пока Господь дает силы».

В заботах о епархиальных делах, в тревогах за пастырей и паству прошли вся весна и лето 1918 года. 23 августа он писал патриарху: «...чувствую большое утомление и усталость от столь тяжелого, но лежащего на моих одиноких плечах бремени... Оставаясь один на епархии в такое трудное и исключительное время, каждый день и почти каждый час приходится принимать вести одну тревожнее другой, не раз желая и не решаясь оставить Нижний и приехать в Москву для присутствия на соборе, хотя для меня это было бы очень важно и интересно, и поучительно... Некоторые из арестованных священников отпущены, другие ещё в тюрьме. 28 июля я с большими трудностями мог добыть себе пропуск и посетить их. Попытки получить разрешение на совершение в тюремной церкви богослужения не увенчались успехом (ибо заведующий – иудей)...»

В конце августа 1918 года чекисты арестовали владыку Лаврентия.

Епископ Лаврентий (Князев)

В тюрьме ему предложили занять отдельную камеру, но он предпочел остаться в общей и первую ночь провел на голом полу. На следующий день его

духовная дочь Е.И. Шмелинг передала епископу постель. Об этой постели возникло поверье, что того, кто полежит на ней, отпустят домой. И это исполнялось. Многие просились отдохнуть на его койке.

Покидал епископ камеру только тогда, когда его требовали к допросу или для выполнения принудительных общественных работ – чистки тюремного двора, метания сена, поездки с бочками за водой.

В свободное время, находясь в камере, епископ непрестанно молился, не обращая внимания на сыпавшиеся в первое время замечания и насмешки сокамерников, молился с таким усердием, что насмешки скоро прекратились, и находившиеся здесь, умилившись молитвенному подвигу архипастыря, невольно сами стали подражать его примеру.

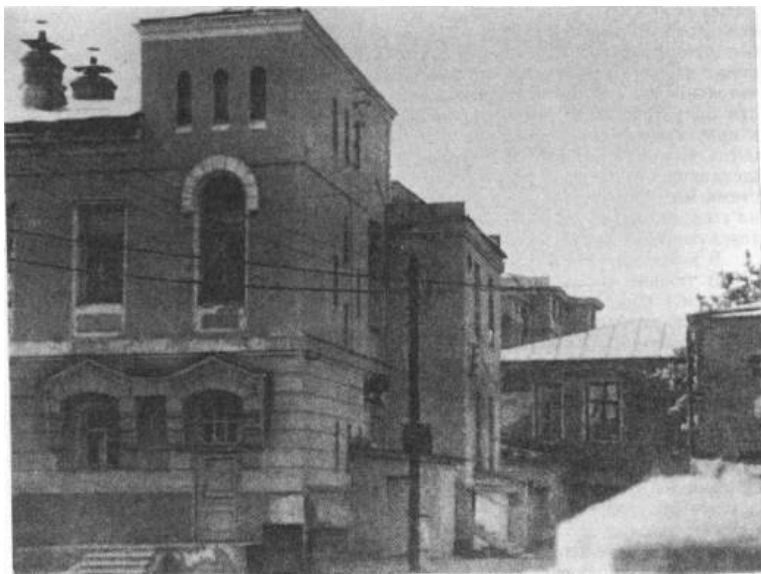
Немалым утешением для епископа послужило полученное им от властей разрешение священнодействовать в тюремном храме, и он не пропускал ни одного праздника и воскресного дня, чтобы не принести Господу бескровную жертву о себе и о людях.

Духовные дети владыки передавали ему через келейника архиерейское облачение и продукты. Владыка высылал записку, пустую посуду, белье. Однажды выслал изношенные четки с просьбой заменить на новые. Они были переданы иеромонаху Варнаве (Беляеву), впоследствии епископу Васильсурскому который, взяв их, сказал: «Трудовые четки».

Говорят, что епископ дважды посылал своего келейника к протоиерею города Балахны, прося, чтобы прихожане обратились к властям с просьбой о его освобождении как Балахнинского епископа. Жители города собрали около шестнадцати тысяч рублей, которые намеревались внести как залог, и собирали подписи под прошением об освобождении архиерея. Под таким же прошением собирались подписи и в храмах Нижнего Новгорода.

Власти, однако, не собирались освобождать святителя. На Воздвижение, 14/27 сентября, когда он служил в тюремной церкви, туда пришли представители советской власти, чтобы посмотреть на него.

И таков был духовный облик святителя, так ярко горел свет его веры, что они единодушно решили убить его во избежание духовного подъема среди населения города. Но необходим был предлог.

Здание Нижегородской ЧК (Воробьевка).

В 1918 году государство постановило отобрать у Церкви земли и церковное имущество. Поместный собор единодушно это отверг; отобрание у Церкви храмов и церковного имущества было ничем иным, как открытым гонением на Церковь.

7 июня 1918 года состоялся съезд духовенства Нижегородской епархии. Съезд принял постановление протестовать против отобрания храмов, монастырей и церковного имущества. Было составлено соответствующее воззвание к пастве, которое подписали епископ Лаврентий как председатель съезда, настоятель собора протоиерей Алексей Порфирьев как секретарь собрания и бывший губернский предводитель Нижегородского дворянства Алексей Борисович Нейдгардт.

В воззвании были приведены слова апостола «облечитесь во всеоружие Божие». Властями они были истолкованы как призыв к вооруженному восстанию.

Когда обвинение было найдено, власти арестовали протоиерея Алексея Порфирьева.

Отец Алексей родился в многодетной семье крестьянина Симбирской губернии и избрал священство по влечению сердца. Был большим молитвенником. Из всех икон Божией Матери более всех почитал образ «Всех скорбящих радости».

После ареста о. Алексея не вызвали ни на один допрос, и у него сложилось впечатление, что его освободят. В день перевода в тюрьму ЧК, накануне празднования иконы «Всех скорбящих радости», у него было особенное настроение, и, прощаясь со всеми в камере, он говорил, что уверен – идет на волю.

К годовщине установления нового порядка по всей стране прокатился красный террор, тысячами были мучимы миряне, священники и епископы.

Вечером 23 октября/5 ноября епископа Лаврентия перевели на Воробьевку, в тюрьму ЧК. Вели его через весь город в сопровождении одного вооруженного солдата. По дороге люди подходили за благословением, а следовавшие сзади видели, как он вынимал из кармана платок, по-видимому, плакал. Проходя мимо подворья Пицкого монастыря, епископ остановился. Там праздновался престольный праздник иконы «Всех скорбящих радости» и шла всенощная. Узнав, что здесь епископ, молящиеся выходили и получали от него последнее благословение.

24 октября/6 ноября епископу Лаврентию и протоиерею Алексею было сказано, что их расстреляют, и предложено помилование, если они откажутся от сана.

Нечего и говорить, что такой отказ был немыслим, палачи и сами не верили в него и потому, не дожидаясь ответа, принялись избивать священномучеников, а затем объявили окончательный приговор – расстрел.

У владыки Лаврентия были с собой Святые Дары. Он причастился сам и причастил о. Алексея. Епископ был спокоен и радостен. Отец Алексей плакал.

– Почему вы плачете? Нам надо радоваться, – сказал епископ.

– Я плачу о моей семье, – ответил о. Алексей.

– А я готов, – сказал епископ.

Протоиерей Алексей Порфирьев

Вскоре к ним присоединили Алексея Нейдгардта и повели в сад, где уже была вырыта могила, у края которой их всех поставили.

Епископ стоял с воздетыми руками и пламенно молился, о. Алексей – с руками, сложенными на груди, опущенной головой и молитвой мытаря на устах: «Боже, милостив буди мне грешному».

Русские солдаты отказались стрелять, потому что услышали в этот момент пение Херувимской. Позвали латышей, и они привели приговор в исполнение. Это было около одиннадцати часов вечера.

Следователь-латыш, ведший дело епископа Лаврентия, в ту же ночь пришел к Ю.И. и Е.И. Шмелинг, принес владыкины вещи и сказал, что у епископа не было никакого состава преступления, и сам вскоре уехал на родину в Латвию.

Через несколько дней Елизавета Шмелинг, идя утром к ранней обедне и проходя мимо здания ЧК, увидела, как из ворот выехала телега, на которой лежали два тела.

– Кто это? – спросила она возчика.

– Это тела епископа и священника.

– Куда вы их везете?

На Мочальный остров, оттуда велено сбросить их в Волгу.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Иеромонах Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 1». Тверь. 1992. С. 161-167